

**МАРИНА ГЕННАДЬЕВНА БАБАЛЫК**

кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора фольклористики и литературоведения (с фонограммархивом) Института языка, литературы и истории Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)  
ORCID 0009-0004-0925-5904; mg-babalyk@ya.ru

### МАЛОИЗВЕСТНОЕ РУКОПИСНОЕ СОЧИНЕНИЕ «СЛОВО НА УКРАШАЮЩИХ СЕБЯ ПРЕЛЕСТНЫМИ РИЗАМИ»

**А н н о т а ц и я .** Рассматривается малоизвестное русское рукописное сочинение «Слово на украшающих себя прелестными ризами», осуждающее увлечение нарядной одеждой и относящееся к корпусу произведений против пьянства, табакокурения, европейской моды и сквернословия. В центре внимания исследования – история бытования памятника в рукописной традиции XIX – начала XX века. Новизна заключается в том, что данное произведение впервые вводится в научный оборот. На основе анализа 16 списков из различных собраний и регионов автор выделяет две редакции текста – «Сергиевскую» и «Георгиевскую» (по самоназванию списков), отличающиеся как заглавиями, так и составом мотивов. Рассматриваются варианты «Сергиевской» редакции: краткий и вариант, изложенный в жанре видения. Интерес представляет и список-контаминация, демонстрирующий, как механическое соединение фрагмента «Сергиевской» редакции с главой из «Великого Зеркала» «О прелестных женских урядах» образует новый сюжет. В приложении публикуются обе редакции сочинения.

**К л ю ч е в ы е с л о в а :** рукописная книжность, текстология, старообрядчество, повесть, нарядные одежды, демонология

**Б л а г о д а р н о с т и .** Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (№ 124022000077-1).

**Д л я ц и т и р о в а н и я :** Бабалык М. Г. Малоизвестное рукописное сочинение «Слово на украшающих себя прелестными ризами» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 5. С. 72–79. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1337

#### ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на возрастающее значение печатной продукции на рубеже XVII–XVIII столетий, роль рукописной книги, бытовавшей в среде духовенства, старообрядцев, а также среди горожан и крестьян, оставалась значительной. Рукописные сборники нередко служили своеобразными учебными пособиями, так как содержали преимущественно назидательные, поучительные и душеспасительные тексты, формировавшие у читателя представления о христианской морали. В этот период складывается значительный корпус произведений, направленных против пьянства, табакокурения, европейской моды и сквернословия. Он включает несколько десятков текстов разной жанровой принадлежности: здесь и повести, и поучения, и духовные стихи, и поэмы, и сатирические сочинения. Все они дошли до нас во множестве списков, охватывающих

период с XVII по XX век, что свидетельствует о их популярности. В этих памятниках отчетливо запечатлелось мироощущение человека переломной эпохи. По наблюдению М. О. Скрипиля, слияние этих разнородных жанров в единую тематическую группу происходит в XVIII столетии; тогда же они попадают и в лубочную традицию<sup>1</sup>.

Формирование данного литературного корпуса обусловлено целым рядом факторов, среди которых на первый план выступает стремление удержать древнерусские нравственные ориентиры в условиях интенсивной секуляризации и европейского влияния, особенно ощутимых в годы петровских преобразований и в последующие десятилетия.

Изучение этих памятников в их совокупности оправдано не только единством затрагиваемых в них тем, но и устойчивым взаимообменом мотивами, а также тем обстоятельством,

что они регулярно включались в состав одних и тех же четких сборников, образуя своего рода циклы. Для исследователя ценность этих текстов состоит и в том, что они служат важным источником для изучения русской религиозной этики, а также эсхатологических представлений, в которых новшества воспринимались как знамения грядущего конца света. Наибольшее распространение подобные произведения получили в старообрядческой письменности.

Если сочинения, обличающие пьянство, табакокурение и сквернословие, обращены преимущественно к внутреннему, духовному образу человека, то осуждение пристрастия к нарядной одежде выводит проблему вовне, указывая на видимую принадлежность миру зла. В старообрядческой рукописной традиции XVIII–XX веков отчетливо выделяется особая группа текстов, осуждающих европейский костюм, женские парики, косметику, брадобритие. Значительное число таких сочинений сохранилось в рукописях, вышедших из среды беспоповских согласий – поморского, филипповского, федосеевского, страннического, укоренившихся на Русском Севере и в Прибалтике. Если приверженцы официального православия были в целом склонны принимать культурные и цивилизационные изменения, то старообрядчество ответило на них решительным отторжением.

Памятники данной тематики неоднократно становились объектом исследования, в частности, в трудах Д. М. Львова<sup>2</sup>, М. И. Успенского<sup>3</sup>, Д. М. Буланина [3], А. В. Пигина [9], [11], Т. Ф. Волковой [4], Т. В. Бровкиной [2], Т. А. Махновец [8], М. Г. Бабалык [1], [11].

#### **«СЛОВО НА УКРАШАЮЩИХ СЕБЯ ПРЕЛЕСТНЫМИ РИЗАМИ»: ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О ПАМЯТНИКЕ**

Объектом исследования является малоизвестное рукописное произведение, получившее распространение в старообрядческой книжности, – «Слово на украшающих себя прелестными ризами» (далее: «Слово...»). Эта небольшая по объему повесть построена в форме беседы старца и беса: старец спрашивает, почему бес имеет такой «мрачный» и «мерзкий» вид, бес отвечает, что inferнальные силы сознательно уступили человеку собственный изначально красивый облик, чтобы через наряды и тщеславие увлечь христианские души в погибель. Увлечение нарядами одеждой осмысливается в эсхатологической перспективе как признак наступления «последних времен».

По нашим наблюдениям, сочинение бытует в рукописной традиции преимущественно в со-

ставе тематических подборок в назидательных сборниках, где соседствует с выписками из Священного Писания, книги «Великое Зерцало» и апокрифическими сказаниями. Текстологический анализ списков памятника позволяет увидеть, как частный бытовой запрет трансформируется в универсальный маркер конфессиональной идентичности, сохраняя актуальность вплоть до XX века.

На сегодняшний день нами выявлено и изучено 16 списков «Слова...» первой четверти XIX – первой трети XX века из хранилищ Санкт-Петербурга и Пскова<sup>4</sup>. Рукописи происходят из разных регионов: из Латгалии, Причудья, Риги, с территории Русского Севера и Ленинградской области. Как нами установлено, списки отчетливо распадаются на две основные редакции – «Сергиевскую» и «Георгиевскую», которые различаются не только упоминаниями в заглавиях Сергиева и Георгиева монастырей, но и комплексом идейно-композиционных признаков. Памятник возник, вероятно, на рубеже XVIII–XIX веков. Его редакции, имея общий архетип, развивались независимо друг от друга. Представим каждую из них.

#### **«СЕРГИЕВСКАЯ» РЕДАКЦИЯ**

Редакция названа по заглавию списков *«Повесть из древлеписменной книги Властодержицы Сергиева монастыря»* (Прич-172)<sup>5</sup>. Речь идет о Троице-Сергиеве монастыре, основанном в XIV веке преподобным Сергием Радонежским. В одном из списков чтение уточнено: «Сергия Радонежскаго монастыря» (Охт-133). К этой редакции мы отнесли 10 полных списков<sup>6</sup> первой четверти XIX – начала XX века из Латгалии, Причудья, Приладожья, с Северной Двины, из Ленинградской области (Охта); два из них иллюстрированные (Сев-19.2.26 и Лен-26). Существует также краткий вариант «Сергиевской» редакции – список третьей четверти XIX века (Лат-226) и список-контаминация первой трети XX века (Прич-158).

«Сергиевская» редакция включает в себя следующие образы и мотивы:

1. В зачине повествуется о явлении беса иноку и присутствует мотив «отцовской заботы». Монах вопрошает слугу дьявола о причинах его невзрачного вида и получает ответ, что тот, как отец родной, заботится о чадах и украшает их, а о себе не печется.

2. Мотив передачи бесами своей красоты людям, особенно девицам, так как именно они, украсившись, могут увлечь за собой в ад весь род человеческий.

3. Мотив стыда и социального отчуждения. Для неимущих и скромных бес подготовил иную ловушку – страх отверженности. Он вынужда-

ет молодых стыдиться скромной одежды: «...*Тех стыдом пленяю и совесть им творю»* (Сев-585 и др.). Человек вынужден следовать моде, потому что без «*щепетного»* (нарядного) платья невозможно «*с человеки совокупитися»* (общаться).

4. Образы Иродиады и Иуды в царстве сатаны. «Прелестные» ризы приводят человека в «*место то, идеже Иродия пляшет и сам сатана со Иудою царствует»* (Прич-172 и др.). Красивая одежда, обольстительная пляска<sup>7</sup> и предательство Иудой своего учителя Христа приравняются друг другу.

5. Мотив радости сатаны и определение степени греха. Увлечение нарядами оказывается страшнее языческого поклонения кумирам, чему радуется сатана.

6. Развернутая речь сатаны с «воинскими» метафорами: «ризное украшение» сравнивается им с бритвой, аспидом, стрелами, мечом и объявляется более смертоносным, чем все эти орудия вместе взятые. На земле идет настоящая война за души христиан. Сатана признает, что благодаря нарядам ему не нужно применять дополнительных усилий для склонения людей ко греху.

7. Заключительная формула передачи бесам своего облика людям: «*весь образ добрыи сами с себе сложили и отдали любящим красоту, и того ради злообразни есмы; обаче радуемся, зря чад ваших в дьявольском образе ходящих и служащих отцу нашему сатане»* (Лен-26). «Ризная» красота является в действительности дьявольским образом: видимость и сущность противоположны друг другу.

«Сергиевская» редакция более психологична: бес действует здесь как манипулятор, использующий человеческий стыд для достижения своей цели.

#### ВАРИАНТЫ «СЕРГИЕВСКОЙ» РЕДАКЦИИ

В списке 1880–1890-х годов (Опоч-2324) в финале имеется дополнительный фрагмент со ссылкой на святого Мартиниана и царевича Иоасафа: «*В житии Иоасафа царевича святой Мартиниан глаголет: “Лучше со дьяволом быти и с ним беседовати, нежели со женами украшенными”*». Авторитет древнего агиографического текста усиливает общую аргументацию, однако к Житию Варлаама и Иоасафа данная цитата не имеет отношения, в нем есть лишь мотив искушения царевича Иоасафа женской красотой<sup>8</sup>. Этот же мотив соблазнения христианского подвижника женщиной в богатых нарядах содержится в Житии Мартиниана Кесарийского, но и здесь приписываемое святому высказывание отсутствует<sup>9</sup>. Близкий фрагмент обнаруживается в некоторых других

памятниках древнерусской литературы. Например, в первом древнерусском уставе Евфросина Псковского [б: 41] находим сближение высказываний святых Исаака и Маркиана:

*«Тако ж и святой Исаак рече: Лучше тебе есть яд смертен, нежели с женою ясти, аще будет мати или сестра по плоти. И святой Маркиан рече: Боле есть с дьяволом беседовати, паче нежели женам блудницам безсрамным; и с дьяволом часто быти, нежели с благообразными женами, скоро бо преложно есть человеческое естество, и добро небрежие, удобие на зло прелагается»*<sup>10</sup>.

В уставе Иосифа Волоцкого также имеются подобные размышления:

*«Тем добре глаголет Божественный Маркиан, яко лучши есть с дьяволом беседовати, нежели женам безсрамным, и с дьяволом часто быти, нежели со женами благообразными и украшенными: скоропреложно бо есть человеческое естество, и добро небрегии, удобь прелагается на злое»*<sup>11</sup>.

Сходное суждение – в «Цветнике» священноинока Дорофея (глава 37):

*«Лучше с дьяволом беседовать, чище будешь, чем разговаривать и находиться рядом с женщинами блудными, безстыжими, приятными лицом и разряженными»*<sup>12</sup>.

Имена Мартиниана и Иоасафа могли появиться в списке «Слова...» (Опоч-2324) в результате ошибочного прочтения в источнике имен Маркиана и Исаака или Иосифа (Волоцкого), а также по схожести мотивов житий Варлаама и Иоасафа и святого Мартиниана.

Краткий вариант «Сергиевской» редакции (Лат-226) озаглавлен «Слово от Старчества». В нем инок назван старцем, в зачине отсутствует мотив «отцовской заботы», передача красоты объединяет второй и третий мотивы (перечень см. выше): «*Мы, беси, весь свой образ отдали человеком, любящим красивыя ризы и щепетное платие»*. В заключение упоминаются Иродиада и Иуда, после чего включен мотив радости сатаны и добавлена концовка: «*Богу нашему слава!*» В списке имеются небольшие утраты в местах сгоревших краев рукописи, но он представляет собой законченный текст, находящийся в окружении различных выписок, слов, сказаний, поучений, вопросов и ответов. Известен и писец (возможно, он же автор) данного варианта – старообрядец Григорий Иванов Титов из деревни Лапотихи в Латгалии [7: 431].

Сознательной трансформации «Сергиевская» редакция подверглась в варианте конца XIX – начала XX века, озаглавленном «Сергия Радонежского монастыря. Видение мниха», в котором повествование изложено не от третьего лица,

как в других списках, а от первого: *«Мних рече некий: видих диявола»* (Охт-133). Такой прием добавляет сюжету эмоциональности, и история приобретает характер личного свидетельства, духовного опыта.

Особое место в рукописной традиции памятника занимает контаминированный список (Прич-158) первой трети XX века. В нем фрагмент «Сергиевской» редакции (первый – второй мотивы), оборванной на словах «даровах весь образ красоты», объединен с главой из «Великого Зеркала» о видении неким иноком своей грешной матери, сидящей на смрадном змее («О некоем священноиноке иже о матери своей моляся, и какова ему показася за преизлишнее телесное украшение» [5: 376–378]). Текст этой главы примыкает к «Слову...» в Прич-158 со слов: «...с великими слезами молитву Богови принося узре пред собою мать свою...». Объединение, скорее всего, было механическим, но оказалось настолько органичным, что осталось не замеченным переписчиком. Возможно, перед собой он имел протограф с утратой листов. Так, в одной рукописи из того же территориального собрания между «Словом...» и главой о грешной матери на змее (здесь она имеет заглавие «О прелестных женских урядах, имъже беси смеются»)<sup>13</sup> имеется еще текст «О прелестных женских украшениях» (Прич-172). Таким образом, фрагмент из «Великого Зеркала» оказался композиционно встроены в сюжет «Сергиевской» редакции, благодаря чему появился новый идейный акцент: не обличение бесовского соблазна, а устрашающий пример необратимой посмертной кары за нераскаянный грех украшения. Можно выделить следующие дополнительные образы и мотивы в этом контаминированном тексте:

8. Мотив видения: инок со слезами молится и видит свою умершую мать на смрадном змее, испытывающую адские муки.

9. Мотив страха. Мать утешает сына и говорит, что ему змей не может навредить.

10. Мотив неполного покаяния перед смертью и забытых грехов юности. Мать рассказывает, за что претерпевает муки. Несмотря на праведную жизнь, в юности она любила украшать себя «прелестными ризами», но забыла покаяться в этом.

11. Мотив тщетности посмертных молитв и приношений за умершую. Мать уверяет сына, что никто не сможет освободить ее от вечных мук, и удаляется в преисподнюю.

Описания мучений матери натуралистичны. Тема ризного украшения в этом варианте устрашает читателя, демонстрируя последствия «заботы» бесов о «своих чадах».

## «ГЕОРГИЕВСКАЯ» РЕДАКЦИЯ

Другая редакция названа «Георгиевской» также по заглавию: *«Из древлеписменной книги Властодержицы Георгиева монастыря»*<sup>14</sup>. Слово на украшающих себя прелестными ризами, и яко удица дияволя есть ризное украшение». Возможно, речь идет о Новгородско-Юрьевском монастыре или о Георгиевском монастыре в Москве. К этой редакции относятся четыре прибалтийских списка последней трети XIX – начала XX века<sup>15</sup>. Заглавие текста в них устойчиво.

Редакция включает в себя следующие мотивы:

1. Мотив «отцовской» заботы беса о людях.

2. Мотив передачи бесами своей красоты людям, особенно девицам и, в отличие от «Сергиевской» редакции, юношам.

3. Мотив внушения бесом похотливых мыслей. Здесь также есть образы неимущих, но бес не стыдит их, как в «Сергиевской» редакции, а отвергает в пучину греха:

*«а иже от их нецыи убоги и скудны девы, не имеют чим украшатися, но и о тех пекуся, влагаю им мысли и похоти к блудодеянию, да от того обоготятся и украсят себе от блудных деяний»* (Лат-16).

4. В редакции усилены апокалиптические мотивы, присутствует тема «последних времен». Бес говорит, что все, от мала до велика, будут заражены грехом, дети научатся у своих родителей. Он сравнивает людей с современниками ветхозаветного Ноя – жившими до потопа грешниками – и перечисляет основные пороки «последних времен»: пение скверных песен, плясание, блуд и прелюбодеяние, пьянство и многоядение, сластолюбие, всякое нечестие.

5. Мотив воцарения сатаны и его радости вместе с бесами, поскольку люди начнут добровольно творить их волю.

6. Четыре главных признака мнимых христиан: женщины прельщают всех красивыми одеждами, нечувственное пьянство, блуд и нечистота, песни и «плясания».

7. Заключительная формула завершения разговора инок и беса: *«Сия вся демон изглаголаво ко преподобному иноку и тако от очю его исчезе»*.

## О ЗАГЛАВИЯХ И ССЫЛКАХ НА ИСТОЧНИКИ

Стоит также отметить некоторые вариации в заглавиях обеих редакций. Произведение может именоваться «словом», «повестью» и «видением». Для общего наименования памятника мы выбрали самое устойчивое заглавие из списков «Георгиевской» редакции – «Слово на украшающих себя прелестными ризами». В вариантах «Сергиевской» редакции встречается один раз его усечен-

ный вариант – «Слово о украшении риз» (Опоч-2324). В заглавиях обеих редакций, как уже было сказано, упоминаются монастыри – «Сергиев» и «Георгиев», но, кроме этого, имеются указания книжных источников – «Властодержжицы», «Старчества», «Патерика», в состав которых повесть якобы входит.

Название книги «Властодержжица» древнерусской письменности неизвестно. Само слово означает «имеющая верховную власть»<sup>16</sup>. Ссылки на Старчество и Патерик являются ложными, они свидетельствуют о том, что книжники осознали сходство «Слова...» с повестями из патериков (в поздней традиции название «Старчество» часто используется как синоним слова «Патерик»). Такие ссылки часто встречаются в заглавиях старообрядческих повестей [10], [12: 160].

На данном этапе работы трудно сказать, какая редакция первична, каким было первое заглавие «Слова...». Изученные 16 списков достаточно поздние, и обе редакции – «Сергиевская» и «Георгиевская», по всей видимости, развивались параллельно.

## ВЫВОДЫ

Анализ 16 списков «Слова на украшающих себя прелестными ризами» позволил выявить две редакции текста – «Сергиевскую» и «Георгиевскую» с отсылками к Сергиеву и Георгиеву монастырю соответственно.

«Сергиевская» редакция получила более широкое распространение, она представлена

десятью полными списками из Прибалтики, Ленинградской области и Русского Севера. «Георгиевская» редакция представлена четырьмя прибалтийскими списками. «Сергиевская» редакция имеет также краткий вариант и одну контакминацию с главой из «Великого Зеркала».

Редакции отличаются заглавиями, мотивами и образами: «Сергиевская» редакция сближает пристрастие к нарядной одежде с предательством Иуды и пляской дочери Иродиады, акцентируя внимание на образах уловленных бесом девушек и мотиве социального отчуждения в случае отвержения «ризных украшений». В «Георгиевской» редакции усилен эсхатологический акцент: в ней представлены грехи «последних времен» и христиане, добровольно идущие в услужение дьяволу.

Общими для двух редакций являются тема «ризного украшения» и первые два мотива: встреча инока с бесом и передача красоты людям. Редакции восходят, вероятно, к общему архетипу, созданному в старообрядческой среде на рубеже XVIII–XIX веков. Дальнейшее выявление списков позволит уточнить данные о времени и месте возникновения «Слова на украшающих себя прелестными ризами».

Ниже публикуются тексты обеих редакций по спискам Прич-172 и Нем-120, которые принадлежат к числу наиболее исправных. Устаревшие буквы древнерусского алфавита заменяются современными, знаки препинания расставляются в соответствии с правилами русской пунктуации.

## ПРИЛОЖЕНИЕ

### I «Сергиевская» редакция

#### Повесть из древлеписменной книги Властодержжицы Сергиева монастыря

Инокую некоему явися бес мрачный и мерский и зело темный, ему же глагола старец: «Что ради, окаянне, выше меры пакостен, мерзок и сквернен есмь?». И отвеща ему диявол, яко «не пекуся о себе, но паче крашу яко отец чад своих, желающих украситися zde, и сего ради не ражу о себе. Пекуся же непрестанно, дабы сынове и дщери века сего, веселяся, украшались ризами прелестными, им же оставих краситися и даровах весь образ красоты моея. Паче же украшаю юных дев, тии бо единым ризным украшением могут погубити и свести во ад весь род человеческий паче нас. А иже в мале нецыи не имущии моего украшения, обаче и тех стыдом облагаю и совесть им творю, яко невозможно, глаголю им, ныне с человеки совокупитися, не имуще щепеткое платье. И того ради и оных побеждаю и тем красоту свою даю, а их хуждыши образ на ся возлагаю и того ради безобразен есмь. И яко истину вам реку, яко едино украшение ризное и своя им воля может всякаго человека привести в место то, идеже Иродия пляшет и сам сатана со Иудою царствует, и яко паче многих бесов едина красота ризная погубляет зрящих на ню. И мы, зря сию, радуемся, и сатана отец наш паче украшающих кумиры веселится, и глаголет, яко “ни едина бритва, ни едина аспида, ни кой стрелы, ни острый мечь не может тако люто умертвити и заклати человека, якоже ризное украшение, ниже аз сатана и вси дияволи тако кого смутити и соблазнити можем, якоже красивыя ризы”.

И сего ради мы, бесовы, весь образ добрый сами с себе сложили и отдали человеком, любящим красоту. И того ради злообразни есмь, обаче радуемся, зря чад ваших в нашем диявольском образе ходящих и служащих отцу нашему сатане».

## II «Георгиевская» редакция

**Из древлеписменной книги Властодержицы Георгиева монастыря.  
Слово на украшающих себя прелестными ризами, и яко удица дияволя  
есть ризное украшение**

Инокую некоему явися бес зело гнусен, и худу имея ризу и раздранну. И глаголя ему старец: «Чесо ради, окаянне, выше меры сквернен и мерзок еси?»

И отвеща ему диявол, яко «я от себе не тшуся украшатися, но пекуся яко отец чадолюбивый украсити моих послужников от христиан, иже любяще украшатися zde, того ради не ражду о себе. Но токмо дабы сынове и дщери века сего украшались прелестными одеждми, ибо я им передаю свою красоту. Паче же всего более украшаю юных дев и юнош, тии бо единым ризным своим украшением могут свести во ад весь род христианский, паче нас, потщатся прелестити человеки.

А иже от них нецьи убоги и скудны девы не имеют чим украшатися, но и о тех пекуся, вьлагаю им мысли и похоти к блудодеянию, да от того обогатятся, и украсят себе от блудных деяний.

Веси ли о сем, колугере, яко мы пред кончиною века сего уловим весь род христианский и будут всю волю нашу исполняти, не токмо иже в возрасте суть мужие и жены, но и малии дети преуспеют на горшая? От родителей бо навькнут всякому злomu делу и потворством их ко всякому греху. Тогда бо нужно наступити время оное своевольным человеком, иже прежде Ноева потопа живше человецы, яко безсловеснии скотие, тому подобно и на кончине века, будут бо христиане безстрашно жити, о законе своем не радяще нимало, всюду будут петы блядивыя песни и многовертимое плясание, к тому же различнии блуды и прелюбодействы умножатся, таже чрезмерное пьянство вкоренится в христианех мнимых, в мужех и женах, от мала и до велика. Частое ядение и питие сластолюбное за обычай примут, а пост и всякое воздержание возненавидят и всякое нечестие за благочестие возлюбят и примут, а наконец и совратятся от пути истиннаго.

Потом воцарится отец сатана, и царство его велико будет на земли, и возвеличится имя его во всех концех земли и до небес. Тогда и мы вкупе с ним возторжествуем, яко приспе время нашего царства, яко исполнися вся воля наша, пленихом к себе от вашего Христа вся сущия христианы. Потом мы будем опочивати и бес труда пребывати, понеже бо тогда человецы весьма возбужают и умудряются на грехи премного, ибо кроме нас и нашего наущения сами примутся волю нашу творити. А над всеми сими вельми утешится и возвеселится царь наш великообластный сатана.

Тех глаголю мнимых христианех. Первое иже от жен и дев красуются щепетными ризами и льстят людей яко удицею. Второе иже в нечувственном пьянстве всегда будут пребывати. Третье иже во блуде и во всякой нечистоте по вся дни будут калятися. Четвертое иже в песнех и плясаниях всегда будут веселитися».

Сия вся демон изглаголав ко преподобному иноку и тако от очию его исчезе.

*БАН, Неманское собрание (фонд 76), № 120, л. 324 об.–327 об., последняя четверть XIX века*

## ПРИМЕЧАНИЯ

- <sup>1</sup> Скрипиль М. О. Повести о хмеле [второй половины XVII в.] // История русской литературы: В 10 т. / АН СССР. М.; Л., 1948. Т. 2. Ч. 2: Литература 1590-х – 1690-х гг. С. 287–292.
- <sup>2</sup> Львов Д. М. Легенда о происхождении табака // Известия Общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете. 1898. Т. 14. Вып. 6. С. 593–600.
- <sup>3</sup> Успенский М. И. Старообрядческое сочинение XVIII в. об одежде // Известия Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук. СПб., 1905. Т. 10. Кн. 2. С. 18–30.
- <sup>4</sup> Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Библиотека Российской академии наук, Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник.
- <sup>5</sup> Варианты заглавий этой редакции: «Выписано из древлеписменной книги Властодержицы Сергиева монастыря» (Калик-62), «Слово о украшении риз из древлеписменной книги Властодежцы Сергиева монастыря» (Опоч-2324), «Повесть сия выписана из древлеписменной гниги (sic!) Властодержицы Сергиева монастыря» (Сев-19.2.26), «Выписано из книги старописменной Властодержицы Сергиева монастыря о одеждах» (Лат-344), «Повесть сия выписана из древлеписменной книги Властодержицы Сергиева монастыря» (Зав-19), «О ризном украшении. Патерик скитский» (Лен-26).
- <sup>6</sup> Десять полных списков «Сергиевской редакции»: Прич-172, Сев-585, Калик-62, Опоч-2324, Сев-19.2.26, Лат-344, Зав-26, Зав-19, Лен-26, Охт-133.
- <sup>7</sup> В приведенной цитате из повести танцует сама Иродиада. Согласно Евангелиям от Матфея (14: 6) и от Марка (6: 21–22), во время празднования дня рождения Ирода танцевала дочь Иродиады; она угодила своим танцем царю, за что попросила в награду голову Иоанна Крестителя на блюде. Такова была месть Иродиады святому за то, что он осудил ее преступный брак с братом мужа.
- <sup>8</sup> Димитрий Ростовский. Книга Житий святых. Сентябрь–ноябрь. М., 1767. Л. 367–379.
- <sup>9</sup> Димитрий Ростовский. Книга Житий святых. Декабрь–февраль. М., 1762. Л. 459 об.–465.
- <sup>10</sup> Древнерусские иноческие уставы / Сост. Т. В. Суздальцева. М.: Северный паломник, 2001. С. 49–50.
- <sup>11</sup> Там же. С. 96–97, 212.
- <sup>12</sup> Цветник священноинюка Дорофея / Пер. с древнерус. Д. Кантова, ред. и коммент. Н. Ларионовой. Изд. Спасо-Преображенского Валаамского мон., 2005. 431 с.

- <sup>13</sup> В список «Великого Зерцала», изданный О. А. Державиной, повесть с таким названием тоже входит, но имеет другое содержание [5: 326].
- <sup>14</sup> Стоит заметить, что отсылка к монастырям – Сергиеву или Георгиеву – в заглавиях условна, авторы используют ее для придания тексту авторитетности и достоверности.
- <sup>15</sup> Нем-120, Лат-16, Лат-455, Лат-321.
- <sup>16</sup> Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской академии наук. СПб.: В Тип. Императорской акад. наук, 1847. Т. 1. С. 133.

## СПИСОК РУКОПИСНЫХ ИСТОЧНИКОВ И ИХ СОКРАЩЕНИЙ

### *Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (ИРЛИ)*

- Зав-19 – ИРЛИ, коллекция Заволоко, № 19. Конец XIX века.
- Зав-26 – ИРЛИ, коллекция Заволоко, № 26. Посл. четверть XIX века.
- Калик-62 – ИРЛИ, коллекция Каликина, № 62. XIX век.
- Лат-16 – ИРЛИ, Латгальское собрание, № 16. 1886 год. Писец – настоятель Рижской Гребенщицкой общины С. С. Попов.
- Лат-226 – ИРЛИ, Латгальское собрание, № 226. 3-я четверть XIX века.
- Лат-321 – ИРЛИ, Латгальское собрание, № 321. 1-я четверть XX века.
- Лат-344 – ИРЛИ, Латгальское собрание, № 344. XIX век.
- Лат-455 – ИРЛИ, Латгальское собрание, № 455. Посл. треть XIX века.
- Лен-26 – ИРЛИ, собрание Ленинградской области, № 26. Начало XX века, лицевая.
- Охт-133 – ИРЛИ, собрание отдельных поступлений, 24, № 133 (Охта). Конец XIX – начало XX века.
- Прич-158 – ИРЛИ, Причудское собрание, № 158. 1-я треть XX века.
- Прич-172 – ИРЛИ, Причудское собрание, № 172. 1-я четверть XIX века.
- Сев-585 – ИРЛИ, Северодвинское собрание, № 585. Конец XIX – начало XX века.

### *Библиотека Российской академии наук (БАН)*

- Нем-120 – БАН, Неманское собрание (фонд 76), № 120. Посл. четверть XIX века.
- Сев-19.2.26 – БАН, 19.2.26. Лицевая рукопись (Северодвинская). XIX век.

### *Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник*

- Опоч-2324 – Псковский музей-заповедник, ф. 1067 (Опоческого уезда), № 2324. 1887–1897 годы.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Б а б а л ы к М. Г. К изучению рукописной традиции «Слова о матерной брани» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия «Общественные и гуманитарные науки». 2014. № 7 (144). С. 66–69.
2. Б р о в к и н а Т. В. Повесть о происхождении табака из «Летописца греческого» // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2020. Вып. 3 (15). С. 74–88.
3. Б у л а н и н Д. М. Поучение о матерной брани // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 4: Т–Я. Дополнения. С. 535–539.
4. В о л к о в а Т. Ф. Повести и легенды о табаке в контексте мифо-поэтических представлений о смерти // Смерть как феномен культуры: Межвуз. сб. науч. тр. Сыктывкар, 1994. С. 75–95.
5. Д е р ж а в и н а О. А. «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве / Акад. наук СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. М.: Наука, 1965. 439 с.
6. К о р о г о д и н а М. В. Устав Евфросина Псковского: к вопросу об источниках // Русская литература. 2018. № 4. С. 40–47. DOI: 10.31860/0131-6095-2018-4-40-47
7. М а р к е л о в Г. В. Латгальские рукописные находки 1981 и 1982 гг. // Труды Отдела древнерусской литературы. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1985. Т. 39. С. 426–443.
8. М а х н о в е ц Т. А. Повесть о Хмеле // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. Вып. 3 (XVII век). Ч. 3. С. 212–213.
9. П и г и н А. В. К изучению демонологических сказаний о табаке: рукописная повесть конца XVIII – начала XIX века «о мнихе и о бесе» // In Umbra. Демонология как семиотическая система: Альманах. М.: Изд-во РГГУ, 2012. № 1. С. 331–344.
10. П и г и н А. В. «Слово от Старчества»: Беседа инок Захарии с учеником Евфимием об антихристе – малоизвестное старообрядческое сочинение XIX в. // Круги времен: В память Елены Константиновны Родановской. М.: Индрик, 2015. Т. 2: Исследования. Посвящения и воспоминания. С. 406–422.
11. П и г и н А., Б а б а л ы к М. «Справедливая критика на табак» (XIX век): вопросы генезиса, поэтики и истории текста // Текст и традиция: Альманах. СПб.: Росток, 2017. Вып. 5. С. 7–19.

12. Смирнов Д. Д. Статьи «От Старчества» в рукописных сборниках XVII–XIX вв. // Русская книга в дореволюционной Сибири: Рукописная и печатная книга на востоке страны. Новосибирск: ГПНТБ, 1992. С. 156–174.

*Поступила в редакцию 14.01.2026; принята к публикации 27.04.2026; дата публикации 30.06.2026*

Original article

**Marina G. Babalyk**, Cand. Sc. (Philology), Research Fellow, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)  
ORCID 0009-0004-0925-5904; mg-babalyk@ya.ru

### A LITTLE-KNOWN MANUSCRIPT TALE “THE WORD ON THOSE WHO ADORN THEMSELVES WITH DECEITFUL VESTMENTS”

**Abstract.** The article examines a little-known Russian manuscript work, “The Word on Those Who Adorn Themselves with Deceitful Vestments”, which condemns the pursuit of ornate clothing and belongs to a corpus of writings against drunkenness, tobacco smoking, European fashion, and foul language. The study focuses on the history of this work’s existence within manuscript culture from the XIX to the early XX century. The scholarly novelty lies in the fact that this work is introduced into academic circulation for the first time. Based on an analysis of sixteen copies from various collections and regions, the author identifies two versions of the text – the “Sergian” and the “Georgian” (named after the self-identification in the manuscripts) – which differ by their titles and the composition of their narrative motifs. The article also examines two variants of the “Sergian” manuscript: a short version and a version written in the genre of a vision. Of particular interest is a hybrid manuscript, which demonstrates how a formal combination of a fragment from the “Sergian” version with a chapter from *The Great Mirror* titled “On Deceitful Female Adornments” creates a new narrative. Both studied versions of the manuscript are provided in the annex.

**Key words:** manuscript tradition, textology, Old Believers, tale, ornate clothing, demonology

**Acknowledgements.** This study was funded from the federal budget as part of a state research task (No 124022000077-1) assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

**For citation:** Babalyk, M. G. A little-known manuscript tale “The Word on Those Who Adorn Themselves with Deceitful Vestments”. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(5):72–79. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1337

#### REFERENCES

- Babalyk, M. G. On study of manuscript tradition “Word About Obscene Language”. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. Social Sciences and Humanities Series. 2014;7(144):66–69. (In Russ.)
- Brovkina, T. V. “The Tale on the Origin of Tobacco” from the *Greek Chronicler*. *Bulletin of Syktyvkar University*. Humanities Series. 2020;3(15):74–88. (In Russ.)
- Bulanin, D. M. “A Teaching on Foul Language”. *Dictionary of scribes and book culture of Ancient Rus’*. St. Petersburg, 2004. Issue 3 (XVII century). Part 4: T–Ya. Supplements. P. 535–539. (In Russ.)
- Volkova, T. F. Tales and legends about tobacco in the context of mythopoetic conceptions of death. *Death as a cultural phenomenon: Interuniversity collection of research papers*. Syktyvkar, 1994. P. 75–95. (In Russ.)
- Derzhavina, O. A. *The Great Mirror and its fate in Russia*. Moscow, 1965. 439 p. (In Russ.)
- Korogodina, M. V. The monastic rules of Euphrosynus of Pskov: the sources. *Russkaya literatura*. 2018;4:40–47. DOI: 10.31860/0131-6095-2018-4-40-47 (In Russ.)
- Markelov, G. V. Latgalian manuscript finds of 1981 and 1982. *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*. 1985;39:426–443. (In Russ.)
- Makhnovets, T. A. “The Tale of Hops”. *Dictionary of scribes and book culture of Ancient Rus’*. St. Petersburg, 1998. Issue 3 (XVII century). Part 3. P. 212–213. (In Russ.)
- Pigin, A. V. On studying demonological tales about tobacco: a manuscript tale of the late XVIII – early XIX centuries “On a Monk and a Demon”. In *Umbra: Demonology as a semiotic system*. Moscow, 2012. No 1. P. 331–344. (In Russ.)
- Pigin, A. V. “The Word from the Elders”: The dialogue of Monk Zachariah with his disciple Euthymius on the Antichrist – a little-known Old Believers’ work of the XIX century. *Circles of time: In memory of Elena Konstantinovna Romodanovskaya*. Moscow, 2015. Vol. 2: Studies. Dedications and memoirs. P. 406–422. (In Russ.)
- Pigin, A. V., Babalyk, M. G. “A Fair Critique of Tobacco” (XIX century): issues of genesis, poetics, and textual history. *Text and tradition: Almanac*. St. Petersburg, 2017. Issue 5. P. 7–19. (In Russ.)
- Smirnov, D. D. Articles “From the Elders” in manuscript collections between the XVII and the XIX centuries. *Russian books in pre-Revolutionary Siberia: Hand-written and printed books in the east of the country*. Novosibirsk, 1992. P. 156–174. (In Russ.)

*Received: 14 January 2026; accepted: 27 April 2026; published: 30 June 2026*